

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 90 (4215)

Суббота, 30 июля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Любимый отдых — с этюдником. Фото К. Куличенко

Автор — издатель — книготорговец

Дневник ПИСАТЕЛЯ

Аркадий ВАСИЛЬЕВ

ЗАКОНЧИЛОСЬ продолжавшееся четыре дня Всесоюзное совещание работников книжной торговли. В последний день на совещании выступил член Президиума ЦК КПСС, министр культуры СССР тов. Е. А. Фурцева. Она зачитала приветствие Центрального Комитета КПСС, выслушавшее участников совещания с большим воодушевлением. Центральный Комитет КПСС пожелал работникам книжной торговли новых больших успехов в их важной деятельности и выразил твердую уверенность, что они и впредь будут настойчиво бороться за то, чтобы советская книжная торговля отвечала возросшим духовным запросам трудящихся, общим задачам всестороннего роста культуры и коммунистической сознательности советских людей.

Сегодня хочется сказать о том, какие выводы из этого очень плодотворного совещания должны сделать писатели.

На совещании много говорилось о том, что пропаганда книги, в том числе и художественной литературы, оставляет желать много лучшего.

Пропаганда каждого произведения художественной литературы должна начинаться с появления его в магазине. Все наши издательства заранее составляют и рассылают свои аннотированные планы. В них указывается, какие книги собираются выпустить издательство, чему они посвящены, кто их авторы. Формально, казалось бы, все правильно. Но именно формально. Во-первых, эти планы попадают в книготорговую сеть с большим опозданием. Во-вторых, тираж этих планов, рассылаемых бесплатно, ограничен. Даже московские книжные магазины получают лишь по одному-два экземпляра, а большинство библиотек этих планов не получают вовсе. Иной раз один экземпляр приходится на целый район.

При подобном положении читатель вообще лишен возможности ознакомиться с планами издательства.

Но дело и в качестве самих планов. На совещании приводили много примеров шаблонных, ничего не говорящих аннотаций, не способных заинтересовать ни продавца, ни читателя.

Вот что сказано о книге В. Овечкина «Районные будни» в аннотации издательства: «Прозаическое, посвященное изображению колхозной деревни в период коренной перестройки сельского хозяйства».

О романе П. Вишневского «Перед грозой» в аннотации Краснодарского книжного издательства сказано «подробнее»: «Этот роман густо населен, в нем много действующих лиц, и каждое из них — характер, и каждое индивидуально, своеобразно, неповторимо».

Аннотации о поэтических сборниках, как правило, состоят из одних и тех же слов: «Стихи о любви и дружбе», «Стихи о дружбе и любви», «Стихи о любви и долге».

Подобные примеры можно приводить без конца — они украшают планы издательства, и центральных, и местных.

А ведь эти аннотации — главное средство пропаганды книги. Все остальные формы пропаганды носят эпизодический характер. Они сводятся лишь к выпуску небольшого количества плохо оформленных, неэффективных плакатов и вкладок. Не пора ли к составлению аннотаций — живых, ярких, интересных — привлечь самих авторов книг?

Несколько слов о книгах молодых авторов. Никто не родился с полным собранием сочинений.

НАГРАДА ПИСАТЕЛЬНИЦЕ

Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с семидесятилетием со дня рождения и за заслуги в развитии советской художественной литературы писательница Вера Михайловна Ийбер награждена орденом Трудового Красного Знамени.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЮДИ!

Этим радостными словами, стоя у широко распахнутого окна, в которое несется пух от тополя, встретила утро маленькая Алёнка. И слова полетели в мир.

Их услышала стоявшая в ту минуту рядом с Алёнкой рассказчица Наталия Соколова и назвала ими свои короткие рассказы. Рассказы печатаются в популярном ежемесячном журнале — Алёнкины слова слышат многие.

Но журнал еще не вышел. Он выйдет только в августе. И чтобы Алёнкины слова дошли быстрее и до еще большего числа людей, мы решили назвать ими статью в газете, которая выйдет в конце июля.

Тем более, что речь пойдет действительно о встречах с людьми. О встречах, которые начнутся завтра же, в наступающем месяце августа.

Через несколько дней читатель начнет получать свежие номера журналов, номера с туго открывающейся обложкой, с сырыми, трудно превращаемыми страницами, с запахом типографской краски. Читатель еще не знает, что здесь окажется самый интересный и самый близкий ему. Еще никто ничего не говорил и не советовал. Еще ни одна страница не хранит следов пристального и многократного чтения, следов всегда радостных.

Мы будем говорить о страницах чистых, незачитанных. Мы не собираемся ставить ориентиры и указатели — иди сюда, а туда не надо, читай это, не читай то, а уж вон туда совсем не заглядывай — время потеряешь. Не с этой целью выпрашивали мы у настороженных работников редакций (зачем это вам надо?) растерянные, перепутанные, исполованные вычерками и вставками «верстки» будущих номеров. Не с этой целью продавались мы сквозь редакционную и корректорскую правку.

Нам нужно было другое. Хотелось узнать, что завтра расскажут наши журналы о современности, о каких новых, еще не замеченных явлениях сообщат, какие заметят противоречия и столкновения, что возмутит и что восхитит, с чем будут бороться и что защищать.

А главное, особенно нетерпеливо хотелось познакомиться с новыми людьми и настроениями. Хотелось услышать самые свежие новости о нашем современном мире. Хотелось не из торопливого любопытства — в конце концов, можно и подождать неделю-другую, — а из желания обратить внимание будущего читателя на те рассказы по сотням страниц богатейшие наблюдения, открытия, находки, которые можно обнаружить едва ли не в каждом номере любого журнала, если читать зорко и активно.

Итак, здравствуйте, люди! На одном из предприятий Куйбышева существует цех коммунистического труда. Здесь подхватывают все новое, что появляется на множестве наших заводов и фабрик. Единственно, чему не последовали здесь, — это почину Валентины Гагановой. Причина — из 106 бригад цеха нет ни одной отстающей. Здесь каждый сам контролирует свою продукцию, должность контролера упрямдена. Рабочие сами выискивают себе зарплату — ей никто не проверяет.

«Воспитание революции» — ей, по сути дела, и посвящен очерк М. Рошина «Воспитание радости» (журнал «Знамя»). Недаром этот цех называют «Педагогической звездой». Называю я тут иногда в упрек — мол, слишком много занимаетесь самочувствием рабочих. На это мастер цеха Григорий Дмитриевич Зайцев резонно отвечает: «Так что ж, плохо что ли? Как оно, это все, на ваш взгляд, поможет нам или мешать? Кто, вы или мы, на почетной доске на первом месте? То-то! Вам важно что: хороший товарищ или нет? А до остального вроде бы и дела нет? А мы — не так. Виктор Георгиевич (названия цеха — П. К.), что говорит? Цех — большая семья — говорит, — и, как в хорошей семье, все должно быть и ладно и весело. Мне, — говорит, — противны эти слова: «В поте лица добывать хлеб свой». Зачем это в поте, зачем, мол, из труда проклятье устраивать? Надо, — говорит, — чтобы человек, проснувшись, хотел идти на работу, чтобы он улыбался, вспоминая о работе, а не хмурился». Вот мы так дело и ведем...»

Так рассуждают в этом необычном цехе. И потому, как ни ошеломительны производственные успехи этого цеха, очеркник, подобно своему герою мастеру Зайцеву, все время в поле зрения держит прежде всего людей.

Люди! Больше всего поражают люди. «Многие мне и вас чуждо, многие непонятны, — сознается герой повести Александра Абрамова «Я ищу Интеграцию» (журнал «Москва»), человек, приехавший из Лондона посмотреть Москву после сорока лет разлуки с ней. Но духовный ваш подвиг и выигрывает нового человека, который лучше нас».

К этому высокому обобщению и к тому же слову — подвиг — приходит и Анатолий Кузнецов в рассказе «Девочки».

«Две девочки, бросившие путь не во всем благополучно, но все же привычную московскую жизнь ради неведомой

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЮДИ!

Этим радостными словами, стоя у широко распахнутого окна, в которое несется пух от тополя, встретила утро маленькая Алёнка. И слова полетели в мир.

Их услышала стоявшая в ту минуту рядом с Алёнкой рассказчица Наталия Соколова и назвала ими свои короткие рассказы. Рассказы печатаются в популярном ежемесячном журнале — Алёнкины слова слышат многие.

Но журнал еще не вышел. Он выйдет только в августе. И чтобы Алёнкины слова дошли быстрее и до еще большего числа людей, мы решили назвать ими статью в газете, которая выйдет в конце июля.

Тем более, что речь пойдет действительно о встречах с людьми. О встречах, которые начнутся завтра же, в наступающем месяце августа.

Через несколько дней читатель начнет получать свежие номера журналов, номера с туго открывающейся обложкой, с сырыми, трудно превращаемыми страницами, с запахом типографской краски. Читатель еще не знает, что здесь окажется самый интересный и самый близкий ему. Еще никто ничего не говорил и не советовал. Еще ни одна страница не хранит следов пристального и многократного чтения, следов всегда радостных.

Мы будем говорить о страницах чистых, незачитанных. Мы не собираемся ставить ориентиры и указатели — иди сюда, а туда не надо, читай это, не читай то, а уж вон туда совсем не заглядывай — время потеряешь. Не с этой целью выпрашивали мы у настороженных работников редакций (зачем это вам надо?) растерянные, перепутанные, исполованные вычерками и вставками «верстки» будущих номеров. Не с этой целью продавались мы сквозь редакционную и корректорскую правку.

Нам нужно было другое. Хотелось узнать, что завтра расскажут наши журналы о современности, о каких новых, еще не замеченных явлениях сообщат, какие заметят противоречия и столкновения, что возмутит и что восхитит, с чем будут бороться и что защищать.

А главное, особенно нетерпеливо хотелось познакомиться с новыми людьми и настроениями. Хотелось услышать самые свежие новости о нашем современном мире. Хотелось не из торопливого любопытства — в конце концов, можно и подождать неделю-другую, — а из желания обратить внимание будущего читателя на те рассказы по сотням страниц богатейшие наблюдения, открытия, находки, которые можно обнаружить едва ли не в каждом номере любого журнала, если читать зорко и активно.

Итак, здравствуйте, люди! На одном из предприятий Куйбышева существует цех коммунистического труда. Здесь подхватывают все новое, что появляется на множестве наших заводов и фабрик. Единственно, чему не последовали здесь, — это почину Валентины Гагановой. Причина — из 106 бригад цеха нет ни одной отстающей. Здесь каждый сам контролирует свою продукцию, должность контролера упрямдена. Рабочие сами выискивают себе зарплату — ей никто не проверяет.

«Воспитание революции» — ей, по сути дела, и посвящен очерк М. Рошина «Воспитание радости» (журнал «Знамя»). Недаром этот цех называют «Педагогической звездой». Называю я тут иногда в упрек — мол, слишком много занимаетесь самочувствием рабочих. На это мастер цеха Григорий Дмитриевич Зайцев резонно отвечает: «Так что ж, плохо что ли? Как оно, это все, на ваш взгляд, поможет нам или мешать? Кто, вы или мы, на почетной доске на первом месте? То-то! Вам важно что: хороший товарищ или нет? А до остального вроде бы и дела нет? А мы — не так. Виктор Георгиевич (названия цеха — П. К.), что говорит? Цех — большая семья — говорит, — и, как в хорошей семье, все должно быть и ладно и весело. Мне, — говорит, — противны эти слова: «В поте лица добывать хлеб свой». Зачем это в поте, зачем, мол, из труда проклятье устраивать? Надо, — говорит, — чтобы человек, проснувшись, хотел идти на работу, чтобы он улыбался, вспоминая о работе, а не хмурился». Вот мы так дело и ведем...»

Так рассуждают в этом необычном цехе. И потому, как ни ошеломительны производственные успехи этого цеха, очеркник, подобно своему герою мастеру Зайцеву, все время в поле зрения держит прежде всего людей.

Люди! Больше всего поражают люди. «Многие мне и вас чуждо, многие непонятны, — сознается герой повести Александра Абрамова «Я ищу Интеграцию» (журнал «Москва»), человек, приехавший из Лондона посмотреть Москву после сорока лет разлуки с ней. Но духовный ваш подвиг и выигрывает нового человека, который лучше нас».

К этому высокому обобщению и к тому же слову — подвиг — приходит и Анатолий Кузнецов в рассказе «Девочки».

«Две девочки, бросившие путь не во всем благополучно, но все же привычную московскую жизнь ради неведомой

По Волге-реке

НЕ правда ли, какой оригинальный заголовок? Я говорил об этом в редакции, когда меня туда послали («Пропустился», сказали мне, — туда-назад по Волге и опиши, как оно там и что!»). Да ведь об этом тысячу раз уже писали! — «И ты скажи первый прочтут», — ответили мне, — «Волга!» — «Оно так, — сомневался я, — но с другой стороны, выйдите же вы в воображение, ведь двадцать дней пути, Москва — Астрахань — Москва: ну берега, ну вода, снова берега, обратно вода, не взвзвять бы?» — «Проветрись, критик, — советовали мне. — С ума сойти в такую жару выяснять, чем отличаются друг от друга последние спектакли Художественного театра? Да ничем они не отличаются. Ежай!»

И я поехал. И вот еду. Плыву! Ветер с Суры («Разыгралась, разыгрывалась Сура-река, она устичем упала в Волгу-матушку. А у камушка сидят все разбойнички...») шевелит мои пером, которым я пишу эти строки, и хочется мне сказать и тому, кто в эту минуту ищет ответ на советский плакат, и тому, кто до олури наливается нарзаном в кисловодском кураале, и тому, кто дремлющего в гамаке, подкусывает комары в подмосковные вечера, и тем, которые считают все это верхом отпусковой премудрости, — всем им хочется сказать: «Жаль мне вас!»

На всякий случай я прихватил с собой работу и уму книг, и вот — уже одиннадцатый день пути — я не прикоснулся пока ни к тому, ни к другому, если не считать вокруг-да-околоволожской литературы. Правда, от последней у меня голова охула, еще когда я готовился в дорогу, — от проспектов, от маршрутов, от путеводителей, от расписаний, от географических очерков, от этнографических очерков, от геологических, исторических, экономических, археологических, археографических, очерков, от художественных очерков. Безумно все это интересно и... нудно-вато. Правду сказать, я только после раскулил, почему, если успею, расскажу. Так что, кроме этих справочников, я никуда не заглядываю, времени нет.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

Немного о своем росте — сто двадцать один метр в длину и солидную талию — шестидесять с лишним метров в поперечнике и на все две тысячи сантиметров — сколько пять тонн водометельной Шум? Меня не беспокоит — легкая, как рыба, первая дрожь проходит волной по судулу, делая его еще больше схожим с живым существом. Что касается до голоса, то, когда этот могучий шальпинский бас несется над волжскими просторами, рождая многократно эхо, заслушаться можно. И присвоено ему имя «Ленин».

В Сталинграде к нам на борт поднялся Джозеф Каррон, председатель профессионального союза моряков США, крупного роста мужчина, с суровым, словно высеченным в скале, невылазным лицом. С такой строгостью, можно сказать, ожесточенной деловитостью он осматривал судно вдоль и поперек, слова не прооронил, пока все не увидел, и только тогда широко улыбнулся и сказал: «О'кей! У нас на Миссисипи не слышали подобного... И это все для народа». Последние слова он сказал не то в вопросительном, не то утверждающем тоне. «Для народа», — ответил сопровождавший его капитан. — Оттого и нужен мир!» Джозеф Каррон протянул капитану широкую ладонь. «Мир», — сказал он весело. Я подумал тогда, что это рукопожатие на фоне молчаливо глядящего издали Сталинграда обманывает. Будем надеяться.

А недостатки на фламане есть. Самый процесс приема судна продолжался — сколько вы думаете? — больше часа. Капитан, механик и электрик предьявили совместно такое количество претензий, что на заводе за голую свистульки 954 предложения! Десятьсот пятьдесят четыре! И в общем приняла! «Предложили — приняла!» легко сказать. А что было за этим! «До драк не доходило?» — спрашивал механика Спиринна. «Всякое было», — отвечал он уклончиво и вручал мне семь увесистых блокнотов: вот они, замечания по моей части! Спирин мягко улыбается, русые пряди

ИЗ ЛЕТНИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

распылился по его лицу, сразу чувствуется вчерашний комсомолец, спортсмен и запевала. «Важные вопросы — как тут уступит», — говорит он, и вдруг вся его мягкость на миг куда-то уходит и видны жестко обострившиеся лицо и сухой блеск в глазах. О да, подумай я, этот не уступит!

А капитан Непитухин? На вид этакая добродушная глыба. «Добродушная? — померзшая, когда я это сказал. — Сергей-то Алексеевич, да упрямец его по всей Волге не слышь». Сам капитан охотно вспоминает сорванные батални. Ему сообщают мнение авторитетной единицы, и он на это: «А я не согласен», тогда мнение авторитетной тройки, и он: «А я не согласен», тогда мнение авторитетной пятёрки: «А я не согласен». Видели бы вы, дорогой читатель, как капитан произносит свое «а я не согласен», прогибая в вашу сторону свои увесистые длаги здесь, в мирной туристской обстановке, что же было там, в районе боевых действий! «Сейчас у нас наилучшие отношения», — говорит капитан и добавляет: «Когда будете изображать, и это изобразите?» «Изобразите», — отвечаю я.

Наконец, третий — электрик Ериков, тому, поглядеть на него, тоже пальца в рот не клади. Все трое направились на завод, а там на эту косу нахлестал камень.

Работа над усовершенствованием электротода продолжается, однако, и по сей день; активно действует целое научно-техническое общество. Есть учреждения, которые не исправны, по части обслуживания пассажиров, например, пусть учтут их будущие конструкторы. Мало двухместных кают, много трехместных, куда их столько! Хорошо, если едут одиночки или скажем, три сестры, а если сурури? Что и говорить, встречаются такие пары, что их просто необходимо различить (хотя бы на время), но, дорогие товарищи, есть и пары, которые только и ждали момента, чтоб остаться вдвоем, третий лишний. Какое там различить, сидят эти два дядя и парно скалят. Приходит супруг разводит по разным каютам. И вот они печально бродят по палубе (давал пальца еще для одной «Повести о бедных влюбленных»), сходясь и расходясь, как в море (Куйбышевском ко-

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЮДИ!

П. КЛИМЕНКО

вообще-то с ним и не знаком. «Чужая душа — потемки!» «Одно мужество или два» — так называется очерк Наталии Долгичевой, который будет опубликован в том же августовском номере «Юности», что и рассказ Анатолия Кузнецова. «Мужество бывает одно», — твердо ответил один из бывших учеников И. Долгичевой. — Оно требует, чтобы человек умел преодолеть в себе обаяние — где угодно: в бою, на улице, в квартирном скандале, на собрании... Это шутливое определение очень точно, заканчивает свой очерк Долгичева. Мужество одно, и в любых условиях. У него, кто проявляет его в минуту опасности, но трусит в повседневной жизни, тот не мужественный».

Как ни разнообразны по размерам, темам, жанрам, по таланту, наконец, все эти очерки и повести, рассказы и публицистические статьи, пробиваются в них одно чувство, очень характерное для нашей сегодняшней жизни, — это острое желание тесного, основанного на равноправии и доверии товарищеского единения людей.

Это не случайно, что в двух очерках — М. Рошина «Воспитание радости» и В. Монохова «Преступник и общество» («Новый мир») — очерках, контрастно противоположных по своим темам, рассказывающих о совершенно несравнимых жизненных сферах, настойчиво звучит одно слово — доверие, одно требование — требование доверия к человеку. М. Рошин показывает, как доверие становится одной из революционных в сознании людей. В Монохова рассказывает, как отсутствие доверия сделало Валентина Корсакова, однажды в юности случайно украв-

шего в школьной лаборатории спирт, вором с двадцатилетним стажем. У него возникла необходимость красть, чтобы не получить нож в спину за измену своим сообщникам, чтобы не лишиться их доверия, без которого нельзя жить, так как доверие государства потеряно. Прослеживая шаг за шагом биографию Корсакова, сопровождающая каждую ступень биографии точным анализом логики его поведения, Монохов показывает, как потеря доверия приводит человека ко все более глубоким заблуждениям. В конце концов, он становится бедным сознанием собственной бедности. И пока он не осознает духовной нищеты, всей ничтожности своего образа жизни, пока он сам не придет к необходимости покончить с подобной жизнью, пересознание невозможно, возможно лишь утешение», — пишет Монохов.

Смысл очерка Монохова в том, что надо обращаться ко всему здоровью и светлоте, что есть в человеке, даже если этот этот человек — преступник. Не карать, наказывать, преследовать, а свободное, нормальное развитие всего лучшего, что заложено в каждом, — в этом смысл коммунистического отношения к людям. Для такого воспитания, закаливания своего сердца Монохов «не требует ни двадцатилетних сроков лишения свободы, ни саженой толшины тюремных стен, ни изощренных наказаний. Необходимо то, о чем мудро сказал Н. С. Хрущев: «В наших условиях надо подходить к людям чутко, верить в человека, видеть свою конечную цель — борьбу за коммунизм. Надо воспитывать и перевоспитывать людей!».

Цикл коротких рассказов Наталии Соколовой «Здравствуйте, люди!» будет опубликован в журнале «Знамя». Вот один из этих рассказов. Он называется «Ответь»:

«Дедушка и внук шли на лыжах по лесу.

В одном месте лыжня была попорчена, сильно затоптана, следы валик, большие и маленькие, зияли в снегу, глубокини синими провалами. Мальчик без труда одолел этот участок пути.

Дедушка повернул обратно и несколько раз прошлепал взад-вперед, испривая лыжню.

— Мы ведь не будем возвращаться этой дорогой... Для чего ты это делаешь, дед?

Дедушка ответил: — Для людей!».

Выдающийся борец за мир

28 июля в Джангаре президенту Индонезии Сукарно была вручена международная Ленинская премия. За укрепление мира между народами. Выдающийся борец за укрепление мира и безопасности народов горячо поздравил в телеграмме Н. С. Хрущев. Вручая премию, член Советского комитета защиты мира Мирзо Турсунзаде отметил, что эту награду г-н Сукарно заслужил своей плодотворной деятельностью на благо родной Индонезии, деятельностью, направленной на освобождение от колониальной гнета и установление мира между народами всех стран.

«С самых юных моих лет и до настоящего времени, — сказал президент Сукарно, — я тружусь на благо мира, национальной независимости, ради процветания индонезийской нации и всего человечества, и все это я делал по велению своего сердца, как сын Индонезии. Поэтому, если ую эта высокая награда вручена мне, я передаю ее индонезийской нации, которая является нацией, действительно любящей мир и независимость».

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

- ★ Арк. Васильев о путях-дорогах книги к читателю.
★ Время летних путешествий. Очерк Ю. Юзовского.
★ Фельетон Л. Лиходеева.
★ Ван Клиберна о современной музыке.
★ Журнальное обозрение.
★ Полемика с английским еженедельником «Экономист».
★ Г. Козинцев. Встречи с западным искусством.
★ Бюро обслуживания «Литературной газеты».

(Окончание на 2-й стр.)

ЧИТАТЕЛЬ ПОДДЕРЖИВАЕТ, ЧИТАТЕЛЬ ВОЗРАЖАЕТ

Нет, в вечном поединке физики и лирики не может быть ни победителей, ни побежденных. Различные фазы их отношений отражают только движение нашей жизни. Как без знания нельзя себе мыслить человека, так и без чувства человек превратится в робота.

В. ЗЕМЛЯНИЦЫН, физик

КИЕВ
Искусство и наука — равнозначные ценности, создающие человеческим умом. Оно заставляет человека мечтать, искать, творить. Истинное искусство не дает места самодовольству, не дает заснуть мыслям и чувствам. Машинные и созданные для того, чтобы человек мог по достоинству отнестись к своему призванию — творчеству.

Г. СКВОРЦОВ, мастер завода «Двигатель революции»

гор. ГОРЬКИИ
Уже учась в строительном техникуме, я понял, что как бы фантастично далеко ни заходила техника

ма в своем развитии, ее всегда будет двигать вперед человек, разум и мечта которого все равно будут далеко вперед. У тех, чье дело будет новым требованием к искусству, новая душа, совершенно другое восприятие мира и все новые и новые мечты. Новые открытия человека будут переживать, чувствовать, воспринимать не математическими формулами, а своей душой, сердцем, мозгом. Он будет петь и сочинять стихи, он будет передавать это в новой, небывало прекрасной музыке, он будет говорить об этом невиданными до сих пор картинками.

Л. ОРЛОВА, техник

ЖЕЛЕЗНОВОДСК

А. ПЛИШКАНЬ, лектор Беловского городского комитета КПСС

БЕЛОВО, Кемеровская обл.

СТИЛЬ — ЭТО И ЧЕЛОВЕК, И ВРЕМЯ

ТРУДНО ЛИ написать роман? Точнее: трудно ли написать роман так, как его пишут все-таки все авторы?

Полагаю, что не очень. Для этого, кажется, вполне достаточно иметь некоторые способности и практические навыки. И еще полку, на которой этот роман мог бы мирно опочить после выхода в свет. (Один мой знакомый не пишет романов только потому, что стесняется. А мог бы писать не хуже многих.)

Вот немудреная «технология». Роман, как это повелось еще с давних пор, делится на части и главы. Роман, в соответствии с традицией, должен быть пухлым.

Каждую главу надо начинать подробным описанием утра, дня, вечера, ночи, рассвета, зари... А частям романа следует предпосылать обстоятельные описания времен года: весны, лета, осени, зимы. В этом отношении имеются удобные для подражания образцы у Аксакова и Писемского. Можно подражать также Бунину. Диалоги должны чередоваться с описаниями внутреннего состояния героев...

О таких романах рецензенты обычно выражаются так: «Верно, роман старомоден, и художественные качества не ахти какие, зато герои — славные люди: один перевыполняет планы, другой — души не чаает в своей жене, являя собой пример высокой морали, третий — учится от зари до зари. Герои эти воспитывают нас, учат тому, как надо жить». И так далее. А где-то между строк явственно читается ироничное резюме: «В общем, роман серый».

Иногда серые романы выходят из-под пера способных людей. Почему?

Мне кажется, потому, что мы мало думаем об эпохе, в которой живем, недостаточно учитываем мощь литературы, стоящей за нашей спиной, — наследие классиков, — не всегда точно понимаем сущность «учебы у классиков» и не умеем точно определить свое положение во времени и пространстве литературы.

Наука и техника неумолимо вторгаются в наше бытие и сознание. Это вторжение не уменьляет ни в коей мере значения литературы. Напротив. Превышая ее новые, как говорится, пошвышенные требования, ставя перед ней новые идеальные и эстетические задачи, оно неминуемо подымает ее роль. В этих условиях, говоря к слову, спор «физики или лирики?» — явное отпадение юмористики, между тем как некоторые участники его пытаются делать серьезный вид. Если продолжать этот спор, то статьи на эту тему следовало бы печатать под рубрикой «Юмор».

Мир космоса и микрокосмоса будоражит нашу фантазию, и наука в этих областях вилотному подходит к поэзии — высшей форме художественного мышления. Фантастические возможности кибернетики, электроники вообще, на мой взгляд, безгранично расширили область поэтического ясновидения. И это, как наши молодые литераторы значительно шагнули бы вперед в поисках новых форм, если бы постигли прелесть дифференциальных исчислений, интегрирования и квантовой механики. Небольшая книжечка Эйштейна безгранично расширяет наше поэтическое видение. С ней знакомимся, как с великой поэмой, написанной человеком, умеющим глядеть далеко вперед.

Мы имеем великолепные образцы поэзии, немисливой в прошлом веке. Это поэзия Блока, Маяковского. Если эти поэты смело прокладывали новые пути в будущее поэзии, то в прозе поиски нового менее ошутливы. Здесь инерция дает себя знать несколько сильнее, чем в поэзии. Так мне кажется.

Вопросы идеальные, вопросы содержания были, есть и будут вопросам первостепенной важности в литературе и искусстве. Пустопорожня «новаторская» форма никому не нужна. Эта аксиома существовала во все века в среде серьезных литераторов и будет жить и впрямь.

Однако подобное обстоятельство не должно давать повода нам, литераторам, в какой-либо мере игнорировать форму. В угоду «воспитательности» значению того или иного произведения мы должны погрязать в любительских проторенных дорожках в литературе. Темп жизни, ритм времени должны присутствовать в каждом произведении, если оно претендует на современность.

Из произведений прозы последнего времени наиболее характерными и яркими, несущими в себе особые стилистические качества современности (динамика фраз, темп повествования, язык, психология героев), мне хочется назвать отчасти, несмотря на отдельные огрехи, роман Ювентина Симонова «Живые и мертвые». Из стихов глубокое впечатление произвела на меня «Водородная бомба» Андрея Жупана — остроумно мысли и стиль.

В этой связи нельзя пройти мимо статьи Алексея Гастева «Движение к стилю» опубликованной в «Литературной газете» в номере от 16 июля. Он пишет: «А вот для меня именно романы, «медленно влекущие читателя от страницы к странице», романы, в которых нет особой динамики, служат примером подлинно современной стилистики». Далее, он приводит примеры «неудачного стиля» — отрывочки из современной литературы, которые, на мой взгляд, являются выразительными, по-настоящему новаторскими.

В статье А. Гастева делаются попыт-

ки удержать литераторов от поисков. В этом ее главный, но не единственный порок...

Литературное произведение порою рассматривается у нас как отдельные статьи закона или важный циркуляр. Особенно распространено это явление при разборах литературных произведений для детей. Если в книге действует отрицательный персонаж, то новым критикам кажется, что по прочтении книги читатель станет непременно отрицательным типом в жизни. Или наоборот: чрезмерно переоценивается влияние того или иного положительного образа. Вот, дескать, прочел человек книгу о герое, закрыл ее и дал себе обещание: и я буду таким!.. И стал таким!

На самом деле все это не так просто. Книга играет грандиозную роль в нашей жизни. Однако существуют и другие каналы, воздействующие на психику человека и формирующие ее. Вот часть из них: рабочее место (станок, стол, строительные леса и т. д.), специальность, смежные специальности, семья, содружники, двор, друзья, журналы, газеты, музыка, театр, радио, телевидение, живопись, кино, наука с ее многочисленными открытиями и так далее. Если бы все эти источники средства воспитания делали бы свое дело с коэффициентом полезного действия равным ста, то мы давным-давно имели бы несметно число идеальных людей. Все или почти все было бы неотразимо очаровательными.

Не слишком ли мы уповаем на чудодейственную воспитательную силу того или иного «положительного» героя без достаточного учета его художественной силы? Литература — не инструкция. И в этом вся ее сложность. Здесь тесно переплетаются идейность и художественность. Причем художественность должна, на мой взгляд, пониматься как новый стиль, не походящий, в широком значении этого слова, на то, что уже было в литературе, и ни в коем случае не подражательный, если даже за образцы берутся великие произведения прошлого, а стиль — особый, соответствующий духовному миру человека эпохи, эпохи, когда человек уже практически в состоянии за час облететь весь земной шар. Литература такой эпохи не может не отличаться от самой что ни на есть бытийственной литературы, скажем, времен Колымаг и тарантасов. Найти новый стиль литературы, подметить его черты и развить их — сложнейший но совершенно необходимый путь.

Повторяю, воспитательное значение литературы не следует понимать упрощенно. Скажем, вся мировая литература пронизана отравлением к войне. И несмотря на это, разве не было войн? Вот любопытное свидетельство Генриха Манна. Он пишет в предисловии к антологий «Утренняя заря», что антология эта — специфически немецкий учебник. Он показывает, как в стране почти непрерывных войн великая литература всегда была глубоко предана миру. Парадоксально, но это так.

Воздействие литературы на человека гораздо сложнее и не столь прямолинейно, как это, может быть, подчас и хотелось бы. Поэтому, говоря о воспитательном значении литературы, надо иметь в виду весь комплекс идейно-эстетического воздействия. Образ того или иного героя не столь уж значительна сам по себе, сколь значительны талант писателя, его позиция в жизни, страстность, высокая партийность, гуманность, определяющие характер произведения в целом и его воспитательную сущность.

В наш век бурного развития передовой общественной мысли, всеобщего стремления к свободе, в век реактивных двигателей, неудержимого порыва в космос должен выкристаллизоваться и особый стиль прозы и поэзии. Мы, литераторы, должны сознательно и активно этому содействовать.

Мне кажется, что можно попытаться выразить основные тенденции, которые, на мой взгляд, должны определять направление поисков современной поэзии. Да, и телеграф!

Как следствие из этого — произведение не должно быть чересчур объемистым. Бюджет времени современного человека не тот, что был сто-двадцать лет. Найти надо доступные для чтения книги, но и для просмотра телевизионных передач, радиоспешиваний и кинокартин. Городской темп жизни все больше распространяется на деревню: давно закончились идиллические песнопения птиц среди безмятежных весей! С этой точки зрения современным анахронизмом кажутся мне длиннющие романы в стихах.

Современное произведение, по-видимому, не должно быть вельеричным, с медленно текущими фразами. Следует больше доверять фантазии читателя и все ее разжигать.

И последнее: не надо подражать, апологии должна быть объявлена беспощадная война, надо находить собственные пути-дороги и в теме, и в форме.

Разумеется, можно разработать и уточнить еще целый ряд критериев, характеризующих современные произве-

дения. Но, как известно, следует остерегаться рецептов, нетерпимых в творчестве. Ибо не было и нет литератора, который бы знал «секрет, как стать счастливым».

Во всяком случае, совершенно ясно и бесспорно одно: идейная, воспитательная сущность произведения должна переплетаться с новаторской сущностью. Если мы, литераторы, не повысим требования к себе, исходя именно из этой точки зрения, то нанесем немалый ущерб своему творчеству. Поиски нового стиля должны идти вровень с ростом и становлением нового человека, вровень с временем, насыщенный поисками новых, неограниченных человеческих возможностей.

КАКОЕ место, с моей точки зрения, занимает музыка в жизни современного человека?

Об этом спорят в аудиториях и гостиницах, спорят музыковеды, историки и критики. Но я не историк искусства, не философ-музыковед, а просто музыкант. Музыка для меня имеет особое значение. Странно, но существуют музыканты, которые могут очень легко говорить о музыке. Мне трудно говорить о том, что я очень люблю. Если это выражение чувств к моей стране, к человеку, к музыке — я даже не могу говорить об этом. Только, может быть, в дружеской беседе об этом можно рискнуть высказаться.

Есть некоторые профессиональные музыканты и художники, предпочитающие творить только для себя. У них никогда не появляется желание доставить удовольствие людям, собравшимся в аудитории. Их по-английски обычно называют художниками, творящими в ванной. Я, разумеется, не включаю в это число огромное количество самодеятельных художников, которые получают большое удовольствие, утешение и удовлетворение от того, что производят много времени наедине с искусством, с музыкой для своего удовольствия. Однако для меня очень важно играть для людей.

Так вот, по-моему, каждый человек обладает музыкальным чувством, и оно отличается соответственно его багажу и натуре, зависит от его опыта и сопереживания с искусством. У каждого человека бывают моменты в жизни, когда он напевает про себя. Мелодия может быть народной, и она может быть написана каким-либо великим композитором. Человек не поет его громко, а напевает тихонько, мысленно сливаясь с ней. Бывает именно так: входя в лес и молча напеваешь себе свои песни...

В наше время существует много чудес — магнитофонные записи, грамзаписи... Сейчас, когда людям хочется наедине побыть с музыкой, сделать это очень просто. Может быть, и это обстоятельство (в ряду других, не менее важных) привело к тому, что музыка теперь — необходимая составная часть жизни человека, она помогает ему выразить свои чувства.

Вот почему, слушая музыкальные произведения разных народов и национальностей, я думаю, что музыка сейчас является и объединяющим средством общения.

ДЛЯ МЕНЯ музыка должна быть всегда выражением непосредственных, внезапно возникших чувств. Но даже внезапно возникшие чувства должны иметь определенную форму и четкую устремленность. Конечно, чтобы написать правильно музыку, надо знать, как ее следует писать. И вместе с тем одним только знанием, чтобы создать, например, фугу, увы, недостаточно. Это не так просто. Это не значит даже, что каждый композитор, который пишет фугу, является Вахом. Музыка — это, вероятно, какое-то точное выражение чувств, которое нельзя математически рассчитать. Я должен признать, что у меня нет сложнейших расчетов по отношению к музыке. Если я что-то люблю, если мне что-то нравится, то я это люблю, как говорите, без оглядки. Если мне что-то не нравится, то и это я точно так же чувствую в глубине души. Это касается и музыки, и людей.

О САМОМ БЛИЗКОМ

ДА, Я УБЕЖДЕН, что музыка в современном обществе имеет очень большое и не только чисто эстетическое значение. Она, безусловно, является огромным объединяющим элементом в жизни современного общества.

Что же такое современная музыка и современность в музыке? Мне трудно ответить на эти вопросы. И я не знаю, но исчерпывающе ответить на них, не прибегая к оговоркам. Если говорить просто о самом слове «современный», — это, очевидно, то, что написано сейчас. Вместе с тем фуги Баха современны. Не случайно Баха называют отцом современной музыки.

Есть люди, которые, например, считают музыку XIX века современной. Как кажется мне лично, я глубоко чувствую музыку XIX века. Есть люди, которые в поисках эстетического наслаждения обращаются к произведениям, написанным в XVII и XVIII веках. Почему же все это происходит? Психологически, конечно, такую задачу нелегко решить. Это трудно расширяемый секрет.

Я очень люблю эмоциональную музыку, хотя, быть может, два года назад я относился к ней несколько иначе. Вероятно, покажется очень странным, но я чувствую его современными. Я ощущаю Шостаковича более современным, чем Прокофьева. Размышляя о современной музыке, я думаю о Шенберге, Вебере, Альбане Берге. Как видите, не так много...

Конечно, каждая эпоха создает свою музыку, создает свое искусство. Я вполне согласен с этим. Именно поэтому перед писателями и стоит большая задача — писать о своем времени, оставить потомкам картины современной эпохи, писателю, жизни. Вместе с тем хочется повторить, что иногда то, что было вчера современным, сегодня уже кажется устаревшим. А то, что было создано в прошлом, порой звучит современно.

Когда говорят о современной музыке, довольно часто ссылаются на произведения додекафонистов. Вероятно, какой-нибудь слушатель, попав на концерт с подобной программой, ушел бы в течение первых десяти минут, а другой остался бы... Вкусы бывают разные.

Не знаю, может быть, будущие поколения как-то примыкнут к звучанию этой музыки, может быть, их уши приспособятся к ней... Правда, в истории музыки мы находим на этот счет любопытные факты. Если, например, вспомнить о Второй симфонии Брамса, то ведь она была очень плохо принята аудиторией. А это великая симфония, хотя Брамс и не сразу убедился в ее успехе. Некоторые критики утверждали, что в музыке Брамса нет отчетливых мелодий. Сегодня эти утверждения звучат совершенно абсурдно. Находятся люди — среди них немало ученых

«Арнольд Шенберг — один из видных представителей так называемого «нового» направления в современной западной музыке; Генри Вебер — известный пианист и дирижер; Альбан Берг — австрийский композитор — представитель экспрессионизма в музыке. (Ред.)»

И все же, чем больше человек близится к жизни, тем больше познает ее, тем крепче он ее любит, тем сильнее у него желание пережить снова то хорошее, что он уже однажды испытал. Путь к этому переживанию ему открывает и расширяет музыка. Большая музыка — враг цинизма. Она учит дорожить жизнью.

Ван КЛИБЕРН

знанов, ультрасоциализма, — которые считают, что лучше, если композитор не получит немедленного успеха. Они утверждают, что если он сразу будет признан, то, значит, он — плохой композитор.

Настоящее искусство живет долго. Обратимся к грузинской народной музыке. Слышали ли вы когда-либо грузинские песни? Они звучат ультрасовременно, хотя это очень старые песни. Но ведь они очень красивые, их отличает мелодия, чувство, эмоциональность.

В музыке, как, наверное, и в театре, мы сталкиваемся с парадоксами. Если исполнитель достаточно хорош, убежден в правоте своего выбора и у него достаточно сил, чтобы из черного сделать белое, тогда он может даже плохо музыкальное произведение превратить в шедевр. Если рассматривать некоторые явления в музыке только с точки зрения ее теории, трудно сказать, что такое плохая музыка, хотя мы, конечно, каждый для себя, знаем, что это такое, как знаем, что такое шедевр в музыке. Но даже шедевр, с точки зрения, признанной теоретиками, может не привлечь внимания большой аудитории поклонников музыки. В искусстве опыта-таки все всегда будет сугубо личным.

Я ЛЮБЛЮ эмоциональную музыку, ибо очень верю в романтизм жизни. Я считаю, что у каждого человека есть свои достоинства и свои недостатки, и каждый человек по-своему, либо внутренне, либо внешне, выражает свои душевные чувства. У каждого в жизни бывают события, которые радят. Есть очень твердые люди, способные скрыть свои страдания. Среди эти люди напоминают каменную стену, к которой трудно подойти.

Есть люди, которые как будто не имеют каких-либо особых желаний, — это люди, колеблемые и несомые течением жизни. Их жизнь кажется совершенной. Но жизнь есть жизнь. Она никогда не была совершенной, она несовершенна, и, видимо, никогда не будет совершенной. Никогда не будет того времени, чтобы человек ощутил полную удовлетворенность всем, что он имеет и будет иметь. Он только старается изо дня в день внести какие-то маленькие улучшения в жизнь для самого себя и для тех, кого он любит. Эмоциональная музыка должна придавать силу человеческим чувствам, и если любовь должна быть долгой, крепкой, глубокой, сильной, то она, любовь, должна быть чистой, простой, готовой на жертвы. Все эти качества в музыке Брамса нет отчетливых мелодий. Сегодня эти утверждения звучат совершенно абсурдно. Находятся люди — среди них немало ученых

«Арнольд Шенберг — один из видных представителей так называемого «нового» направления в современной западной музыке; Генри Вебер — известный пианист и дирижер; Альбан Берг — австрийский композитор — представитель экспрессионизма в музыке. (Ред.)»

«Арнольд Шенберг — один из видных представителей так называемого «нового» направления в современной западной музыке; Генри Вебер — известный пианист и дирижер; Альбан Берг — австрийский композитор — представитель экспрессионизма в музыке. (Ред.)»

«Арнольд Шенберг — один из видных представителей так называемого «нового» направления в современной западной музыке; Генри Вебер — известный пианист и дирижер; Альбан Берг — австрийский композитор — представитель экспрессионизма в музыке. (Ред.)»

ее любит, тем сильнее у него желание пережить снова то хорошее, что он уже однажды испытал. Путь к этому переживанию ему открывает и расширяет музыка. Большая музыка — враг цинизма. Она учит дорожить жизнью.

ГДЕ И В ЧЕМ отмечается взаимовлияние русской и американской музыки? Следует помнить, что Соединенные Штаты — молодая страна, в то время как в России культура имеет большую историю.

Известно также, что население моей страны, смешанное — по своему национальному составу. Поэтому очень трудно говорить о национальности в применении к США. Может быть, вам будет интересно узнать, что моя семья проживает в Штатах вот уже 160 лет. Мы — выходцы из Шотландии, Ирландии и Англии. Моя страна фактически построена на большом идеале. Если у нас есть национальная музыка, то это, возможно, древняя музыка индейских племен.

Когда я думаю о России (извините меня, но мне очень нравится слово «Россия»), когда я думаю о русской культуре, я прежде всего имею в виду ее многовековую историю.

Недавно я был в Грузии. Здесь мне подарил народный грузинский костюм. Мои друзья в Тбилиси хотели знать, соглашусь ли я сфотографироваться в нем. Я сказал: да! Они спросили: могут ли они опубликовать эти фотографии? Я снова сказал: да! Почему? Потому что, как говорят, белые люди причисляются к кавказской расе.

Я это вспоминаю потому, что существуют люди, которые скажут: «О, Ван Клиберн начал заниматься политическими делами!» Но теперь, увидев меня в грузинском костюме, они, пожалуй, ничего не смогут сказать. В противном случае я подниму дискуссию в международном масштабе.

ОДНАКО возвратимся к взаимовлиянию русской и американской музыки. Я думаю, что они сближаются в том самом месте и тогда, когда исполнитель садится и начинает играть, а слушатели получают удовольствие. Вот здесь они и сходятся.

Если бы я хотел быть плохим представителем своего народа, я не сказал бы вам этого комплемента, но во всем мире, везде очень любят русскую музыку. За что? За эмоциональные качества!

КАКОП МНЕ представляется музыка будущего? Как сочетаются простота в музыке — это высшее искусство — с нашей современной, все более обогащающейся, усложняющейся жизнью? В самом деле, человек становится сложнее и в эмоциональном смысле богаче, а музыка требует простоты. Как же это совмещается?

Я думаю, что музыка будущего, очевидно, является сочетанием прошлого и настоящего. Но прежде всего нужно сохранить эмоциональные чувства, умение ощущать красоту жизни. Ведь теперь уже не редкость, когда люди, эмоционально скуде, забывая о красоте жизни, объясняют это тем обстоятельством, что жизнь становится более сложной, что в ней не остается места красоте и чувству...

КАКОЕ МЕСТО в моей жизни имеет литература? Открою лишний секрет: я очень люблю поэзию и сам, как говорится, в молодости грешил стихами. Литература в моей жизни занимает очень большое место, как, впрочем, и в жизни многих людей нашего времени. Поэзия — горячая музыка души.

Я слышал, что, может быть, через тысячу лет люди не будут общаться посредством языка и волнистик некое мысленное общение. Мне, человеку, любящему музыку, кажется, что именно она призвана стать языком далекого будущего. Впрочем, я не обижусь, если мои друзья примут это как шутку.

Литература, по-моему, — это летопись жизни, людей и народов. Правда, когда читаешь древних греков, то невольно задумываешься: кто же был первым? Но это второстепенный вопрос. Главное в том, чтобы литература, искусство помогали человеку жить, совершенствоваться, творить добро, верить в будущее.

ее любит, тем сильнее у него желание пережить снова то хорошее, что он уже однажды испытал. Путь к этому переживанию ему открывает и расширяет музыка. Большая музыка — враг цинизма. Она учит дорожить жизнью.

ГДЕ И В ЧЕМ отмечается взаимовлияние русской и американской музыки? Следует помнить, что Соединенные Штаты — молодая страна, в то время как в России культура имеет большую историю.

Известно также, что население моей страны, смешанное — по своему национальному составу. Поэтому очень трудно говорить о национальности в применении к США. Может быть, вам будет интересно узнать, что моя семья проживает в Штатах вот уже 160 лет. Мы — выходцы из Шотландии, Ирландии и Англии. Моя страна фактически построена на большом идеале. Если у нас есть национальная музыка, то это, возможно, древняя музыка индейских племен.

Когда я думаю о России (извините меня, но мне очень нравится слово «Россия»), когда я думаю о русской культуре, я прежде всего имею в виду ее многовековую историю.

Недавно я был в Грузии. Здесь мне подарил народный грузинский костюм. Мои друзья в Тбилиси хотели знать, соглашусь ли я сфотографироваться в нем. Я сказал: да! Они спросили: могут ли они опубликовать эти фотографии? Я снова сказал: да! Почему? Потому что, как говорят, белые люди причисляются к кавказской расе.

Я это вспоминаю потому, что существуют люди, которые скажут: «О, Ван Клиберн начал заниматься политическими делами!» Но теперь, увидев меня в грузинском костюме, они, пожалуй, ничего не смогут сказать. В противном случае я подниму дискуссию в международном масштабе.

ОДНАКО возвратимся к взаимовлиянию русской и американской музыки. Я думаю, что они сближаются в том самом месте и тогда, когда исполнитель садится и начинает играть, а слушатели получают удовольствие. Вот здесь они и сходятся.

Если бы я хотел быть плохим представителем своего народа, я не сказал бы вам этого комплемента, но во всем мире, везде очень любят русскую музыку. За что? За эмоциональные качества!

КАКОП МНЕ представляется музыка будущего? Как сочетаются простота в музыке — это высшее искусство — с нашей современной, все более обогащающейся, усложняющейся жизнью? В самом деле, человек становится сложнее и в эмоциональном смысле богаче, а музыка требует простоты. Как же это совмещается?

Я думаю, что музыка будущего, очевидно, является сочетанием прошлого и настоящего. Но прежде всего нужно сохранить эмоциональные чувства, умение ощущать красоту жизни. Ведь теперь уже не редкость, когда люди, эмоционально скуде, забывая о красоте жизни, объясняют это тем обстоятельством, что жизнь становится более сложной, что в ней не остается места красоте и чувству...

КАКОЕ МЕСТО в моей жизни имеет литература? Открою лишний секрет: я очень люблю поэзию и сам, как говорится, в молодости грешил стихами. Литература в моей жизни занимает очень большое место, как, впрочем, и в жизни многих людей нашего времени. Поэзия — горячая музыка души.

Я слышал, что, может быть, через тысячу лет люди не будут общаться посредством языка и волнистик некое мысленное общение. Мне, человеку, любящему музыку, кажется, что именно она призвана стать языком далекого будущего. Впрочем, я не обижусь, если мои друзья примут это как шутку.

Литература, по-моему, — это летопись жизни, людей и народов. Правда, когда читаешь древних греков, то невольно задумываешься: кто же был первым? Но это второстепенный вопрос. Главное в том, чтобы литература, искусство помогали человеку жить, совершенствоваться, творить добро, верить в будущее.

Фото А. Лыдова

ТРИ ВСТРЕЧИ

Григорий КОЗИНЦЕВ

ЗА РУБЕЖОМ мне довелось посмотреть несколько фильмов и спектаклей, представляющих интерес. То, что я видел эти произведения в чужих странах, в обстановке, не схожей с нашей, заставило меня по-особому воспринять и сами эти фильмы и спектакли. Возникли мысли, относящиеся не только к сцене и экрану.

ГЛАЗА Джульетты Мазини наполнились слезами. Она с трудом удерживалась, чтобы не зарыдать. Вокруг грохотал скандал: свистели в полицейские свистки, топали ногами, аплодировали, орали что-то невнятное.

И под все это неистовство, улыбаясь, раскисав на сцене плотный человек с несвеселым взглядом темных глаз. Вызывающе улыбаясь, глядя в зрительный зал с выражением, как говорит по-русски, «нахос», выкусы», он отвечал иронические поклоны и прижимал к груди «Пальмовую ветвь».

Мазина сидела в зале и плакала, не согласно роли, а просто по житейским обстоятельствам, так, как горюет каждая жена, когда, по ее мнению, несправедливо оскорбляют близкого человека, мужа.

Все это происходило не в фильме, а в кинотеатре на бульваре Круасетт в Каннах. Закрывался 13-й международный кинофестиваль. Мужу Джульетты Мазини — режиссеру Федерико Феллини — вручалась премия за «Сладкую жизнь».

История искусства знает немало скандалов. Сразу же вспоминается желтая кофта Маяковского. Однако сравнение не кажется подходящим. Между Маяковским и его дореволюционной аудиторией лежала пропасть. Зал и эстрада тогда являлись не только местом литературной схватки, но и как бы сторонами баррикады. Уже тревожилась полиция, и одиночество поэта не было позою. Вспоминая свист в Каннах и поклоны итальянского режиссера, мне не кажется, что я присутствовал при чем-то схожем. Сама обстановка — толпы фотографов, вспышки ламп, актрисы, сопровождавшие лауреатов: одна в чересчур узкой юбке, другая в слишком широкой, — чем-то напоминала кадры из «Сладкой жизни».

Если бы значение этого фильма ограничивалось такими скандалами, задумываться над ним не имело бы смысла.

...Не раз опосля рассвет на улицах большого города. Пустота, грязь, скопившиеся бумажки, окурки. С мешками за спиной, держа наготове палки с острыми наконечниками, выходят на работу тринитинки. Они роются в мусоре, подбирают отбросы.

В «Сладкой жизни» ранним утром отправляются на промисел репортеры и фотографы. Они зарабатывают на жизнь поисками сенсаций: они ворошат грязные промиселы, перетраивают отбросы сплетен.

Посетители кино в Каннах, как и в Италии, читают ежедневно, даже дважды в день, газеты, где описаны светские скандалы. Никто не рвет эти листки и не вопит об оскорблении. Очевидно, возмущение вызвал не выбор материала «Сладкой жизни», а интонация рассказчицы. Феллини не склонен извещать шутить. Начавши говорить, он не останавливается на полуслове: слово он выговаривает полностью, внятно и громко.

Первый эпизод венчает кровать проститутки. Последний — стрип-тиз (порнографический трюк в реву: постепенное раздевание актрисы). Новинка в том, что на тюрбан шлюхи укладывается дочь миллионера, а номер «раздевания» исполняет владелица виллы. Герой «Сладкой жизни» журналист Марсель — его специальность сенсация и светская жизнь — встречается в кабачке наследнику одного из промышленников королей: она ищет стоику, у которой можно выпить виски. Крутым поворотом разворачивается на узкой улице модная распластанная машина: пара отправляется неведомо куда. По панели шляется девка в поисках клиента. Героине взбрело в голову поехать проститутку. В трущобе наследника миллионы приходят в голову и другое: отдаться своему спутнику именно здесь, на этой вилланной кровати. Нетрудно узнать Феллини. Крайности в изображении низменных сторон реальности свойственна этому режиссеру.

Я слышал бешеную брань по поводу «Сладкой жизни», но мне еще не довелось услышать: так не бывает.

Следовательно, бывает и так: проститутка варит кофе, а на ее кровати, за занавеской, спит светская пара.

В самолете есть время подумать. Вспоминаются споры о современных формах искусства. Нередко «современность» противопоставляется тем решительным основам, которые ввели в жизнь техника. Вот, например, реактивные самолеты, неукротимая сила моторов, чувство скорости, динамичность форм и т. д. Все это бесспорно, но не менее бесспорно и то, что люди, наполняющие самолет, — от этой матери, склонившейся над малюткой в колыбели, до старого англичанина, читающего роман Агаты Кристи, — все не переполнены ритмами турбинного двигателя. Их чувства и мысли отражают не суматоху световых реклам на улицах капиталистических городов, а множество других жизненных явлений и отношений, среди которых само это электрическое бешенство занимает, вероятно, пустяковое место.

Все это я пишу совсем не потому, что считаю, будто XIX век закончил образование новых форм в искусстве. Однако мне не нравится мысль, что Шекспир связан с передвижением верхом. Пушкин обусловлен путешествием на переключных, а синкопы джаза отражают нашу эпоху.

...В одном из театров Нью-Йорка можно увидеть «Чудесный лет мастер» Уильяма Гибсона. Действие пьесы происходит в небольших комнатах и садике старого провинциального дома в восьмидесяти годах прошлого столетия. Сюжет взят из воспоминаний учительницы слепых детей Анны Салливан и ее ученицы Елены Келлер.

Воспоминаниями некогда зачитывались. Сила воли ребенка — слепого и

размах широкого экрана. На этом фоне города вековых традиций и нечистой торговли, расширяясь, убегаясь, крутятся какой-то средневековой хоррор смерти. Смерти катастрофы закручивает в танце все новые лица. И только в конце хоррор вырывается на простор, останавливается, замирает.

Мутным рассветом выходят обитатели виллы и их гости на берег моря. В комнатах уже нечем дышать. Грозные и зловещие силы — во всем их трагическом величии — предстают перед жалкой кучкой людей. Тяжело бьют свирепые волны. Рыбаки тащат сеть. Огромный скат, фантастическое страшилище, валется на мокром песке. Мертвый глаз чудовища устремлен на компанию гуляк, на их серые, опухшие лица, на мир, к которому они принадлежат.

Эти кадры — по своей зловещей позе — напоминают средневековые видения страшного суда; такое мерещилось живописцу апокалиптических видений Иеронимусу Босху; в XIX веке подобное придумывал Гойя. Есть в фильме и смутный образ какой-то девушки, схожей с ангелом. В ее последнем взгляде — чистотой и радостью — Феллини пробует отыскать намек на возможность иной жизни. Наверное, мне кажется, не осуществившись. Кончатся это произведение — совершенно закономерно — уродливый монстр.

А начинается оно с того, что Христос летит над Римом. Распростерши руки, бо летит по небу. Бо сделан из дерева. Деревянную статую транспортирует на какой-то религиозный праздник вертолет. В кабине лихих газетчиков готовит репортаж. Символ веры, прицепленный тросами к вертолету, проносится над крышами банков, над пляжами и притонами.

Вряд ли стоит все это буквально расшифровывать. Это поэтические образы, а не аллегории. Однако в этих кадрах куда больше разрушительной силы, нежели в сценах блуда аристократии.

Нередко приходится читать: Феллини силён критическим взглядом, а недостаток художника — отсутствие положительных идеалов. Может быть, в общих чертах мысль и верна. Но по сути искусство с помощью общих определений трудно. Мне кажется, все обстоит сложнее. Феллини сам принадлежит к миру, который он проклинает. Как истинный художник, он чувствует приближение катастрофы. И со всей силой своего дарования он говорит о неминуемой гибели. Но он сам существует внутри замкнутого круга этого мира и, вероятно, так же любит его, как и ненавидит. Вот почему есть в этом трагическом фильме какая-то пыльная декоративность, заставляющая вспомнить об искусстве позднего барокко, маньеризме. Нередко Маяковский назвал свою пьесу «Мистерия-буфф». Сочетание, по-другому странное, направляется для «Сладкой жизни». «Трагедия — мюзик-холл» — так хочется определить этот зловещий монтаж аттракционов.

...Я начал рассказ о Джульетте Мазини. Как жаль, что ей не нашлось роли в фильме. Эта актриса умела наполнить образы, задуманные Феллини, и чертами страшной правды, и светлой человечностью. В «Ночах Кабирини» актриса была не только исполнительницей главной роли, но и как бы сердцем фильма.

Вы хотите представить себе «Сладкую жизнь»? Вообразите поставленные с еще более недобрый талантом и жестокостью «Ночи Кабирини», но без Джульетты Мазини.

В КРОВАТКЕ, покрытой сеткой, сладко спит маленький ребенок. Туалетная комната занята. Две женщины с умывальными принадлежностями в руках поджидают своей очереди. Обитатели этой квартиры — разные люди. Они по-разному ведут себя. Кто-то читает, играет в шахматы, беседует с соседом; дремлет, прислонившись к спинке кресла.

Тепло, уютно. Обычная жизнь, повседневный неторопливый быт.

...А внизу, под полом этого жилья, бесится ледяной вихрь, облака грозозвонили ярус на ярус: в просветах виднелось бесконечное водное пространство.

Коммунальная квартира летела над океаном.

В самолете есть время подумать. Вспоминаются споры о современных формах искусства. Нередко «современность» противопоставляется тем решительным основам, которые ввели в жизнь техника. Вот, например, реактивные самолеты, неукротимая сила моторов, чувство скорости, динамичность форм и т. д. Все это бесспорно, но не менее бесспорно и то, что люди, наполняющие самолет, — от этой матери, склонившейся над малюткой в колыбели, до старого англичанина, читающего роман Агаты Кристи, — все не переполнены ритмами турбинного двигателя. Их чувства и мысли отражают не суматоху световых реклам на улицах капиталистических городов, а множество других жизненных явлений и отношений, среди которых само это электрическое бешенство занимает, вероятно, пустяковое место.

Все это я пишу совсем не потому, что считаю, будто XIX век закончил образование новых форм в искусстве. Однако мне не нравится мысль, что Шекспир связан с передвижением верхом. Пушкин обусловлен путешествием на переключных, а синкопы джаза отражают нашу эпоху.

...В одном из театров Нью-Йорка можно увидеть «Чудесный лет мастер» Уильяма Гибсона. Действие пьесы происходит в небольших комнатах и садике старого провинциального дома в восьмидесяти годах прошлого столетия. Сюжет взят из воспоминаний учительницы слепых детей Анны Салливан и ее ученицы Елены Келлер.

Воспоминаниями некогда зачитывались. Сила воли ребенка — слепого и

глухонемого? ум и сиюминутность его восприятия? восхитили читателей. Салливан научила Елену не только языку осязания, но и звучащей речи. Слепая и глухая девушка смогла окончить университет, войти в круг интересов здоровых людей. Однако начало было нелегким. Девочка яростно сопротивлялась, ненавидела свою учительницу. Этому и посвящена пьеса.

В программе спектакля приведен подлинный разговор Салливан с ее ученицей, как бы эпиграф к постановке.

«Потом Елена спросила: «Что такое душа?» — Этого никто не знает, — я ответила. — Известно, что это не тело, а часть нашего существа, которая мыслит и любит и надеется, но она невидима. «Но если я напишу то, что думаю моя душа, — сказала Елена, — это станет видимым и слова будут телом души».

За эту душу, за то, чтобы она мыслила и любила, и надеялась, борется, напрягая все свои жизненные силы, молодая девушка с заурядной внешностью провинциалки. Вблизи актрисы Анны Банкрофт, в ее неказистой прическе, поношенном простом платье и старых башмаках есть какое-то привычное доброе обаяние трудового человека. Наверстует этой милой девушке учительница. Елену Келлер играет Пэтти Дьюк. Актрисе четырнадцать лет, но она уже четыре года участвует в телепередачах. Фильмах. В спектакле нет сентиментальности. Напротив, режиссер Артур Пенн и исполнительница не боятся говорить о трудовом возмездии. Девочка в начале спектакля лишена привлекательности. Елена то бешено вспыхивает, то угрюма. Она появляется на сцене с взглядом, лишенным разума; ее движения странна. Любовь родителей поощряет капризы: они становятся дикими, состояние ухудшается. Умный учитель понимает, что совершить переворот в сознании девочки может лишь труд, усилие. Нужно заставить неравотворное существо думать: искать связи ощущений, мест, слов. Преодолев сопротивление семьи Елены, Салливан запирает вдвоем с девочкой в комнате. Теперь они будут жить вместе. Научается воспринимать, вернее, бороться. Елена сопротивляется каждому уроку. Три акта длится поединки; ненависть сменяется симпатией, любовью. Уроки становятся интересными. Теперь ученица стремится понять смысл каждого приносимого пальцем учительницы и ответить той же азбукой. Язык глухонемых уже освоен; Салливан этого мало, настойчиво, не соглашаясь уступить, она требует от Елены еще одного усилия... Это усилие нечеловечески трудно, но в ученице ожил талант, появилась воля, и вот, еще невнятное, выговорено первое звучащее слово...

Зрительный зал аплодирует этому совсем тихому слову, гуманности спектакля. Именно это: вера в высокое значение человека, стремление увидеть в людях лучшее — привлекает в «Чудесных дел мастера».

После конца спектакля мы зашли за кулисы. Банкрофт сказала нам, что играет в последний раз: завтра начинаются съемки театра, кинофильма. Актриса спросила свою маленькую партнершу: будет ли она завтра на сцене? Нет, — ответила Пэтти, к сожалению, она не сможет прийти; у нее экзамен в школе. Но она надеется: старые товарищи защитят ее интересы. Забавно, что боролась за улучшение условий труда, пенсионный фонд.

...А неподатку от театра крутились шутки! Бродяга, огромная голова курлячка выплывала из электрического рта дым и слышалась в поезде наклонно пара с лицами цвета бирюзы. В этих огнях, не таких уж быстрых, и в рекламах, достаточно лубочных, заключалась все некая-то «динамическая современность», а нечто старомодно-архаичное. Торговля, старые способы продажи. И, напротив, современными показались мне аллюменты театрального зала, взволнованного тихим словом, впервые произнесенным большой девочкой. Борьба разума с тьмой, человечности с дикостью волновала этих зрителей, как и других людей.

Речь идет о несхожих произведениях. Одно посвящено бездушной обществу, другое — одинокой душе. Но в современном мире живые души борются с мертвыми, и в судьбе даже одной души отражается история народа.

...В Мексике луна отличается от русской. Она напоминает нашу, поставленную на черной чертле. На открытые экран был установлен русский небом шагал по разбитой военной дороге, держа за руку приемщика, солдат Соколов. Он шагал уже по многим дорогам: дошел и до тропинки. Вместе с ним нога в ногу шла судьба человека.

Советские туристы пришли на этот сеанс. Мы любим фильм С. Бондарчука, и нас волновало, как примут его мексиканцы, не знавшие войны непосредственно, так, как испытывали ее мы, когда она принесла горе в каждый дом. И вдруг зал загрохотал овацией, такой же, какую можно было услышать на московской премьере. Здесь, на далекой чужой земле, под ополкнутой тропической луной, много тысяч зрителей восхитились историей человеческой души, являвшейся одновременно и историей народа.

Пожилый, много потерявший человек, уцелел в войне. А убили мальчика. Про него сложил песню. С каким восторгом смотрели французы «Балладу о солдате»! Они полюбили героя, желали ему счастья. Это была история совсем молодой души. Но это была и история уже сложившегося общества.

С. Бондарчук — опытный мастер. Г. Чухрай — молодежь. Посмотрите «Сергею» — по повести В. Пановой. Это первая работа Г. Таланкина и И. Данелина. В ней те же черты: души людей, судьба народа.

Прежде зарубежные критики возмущались «пропагандой». Теперь они нередко пишут о наших фильмах: в них нет пропаганды, они великолепны человеческо.

Наивные люди, они не понимают, что человечество стала лучшей пропагандой коммунистических идей.

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ

ПРОБЛЕМА СВЕЖЕВЫМОЙ СОРОЧКИ

СТИРКА белья — подумайте, проблема! — усмехнется любой свистик.

Оказывается, — проблема. И не только стирки, а еще и сушки, и глажки.

У нас мало фабрик-прачечных. Ученые Академии коммунального хозяйства подсчитали, что в год на одного горожанина прачечные могут постирать только пять килограммов белья. Это в четыредцать раз меньше того, что требуется.

А как работают прачечные? Загляните в любую жебную книгу — страница за страницей расскажут вам о бедах, постигших так называемую канитру.

Раньше было просто: плохо постирано белье, — значит, прачка виновата. А сейчас можно винить? Стират машина. Но что это за машина!

Дата ее рождения сплошь и рядом совпадает с молодостью первых «жюков». И ничего странного нет в том, что коммунальные ровесники этих легковых автомобилей, давно ставших музейными экспонатами, не так уж отличаются от своих прародителей — корыт.

По тщательной составленной и утвержденной технологии стирка длится 70—80 минут, и за это время стиральной мастере нужно выполнить вручную 80 операций на одной машине. А ему подвластны пять или шесть таких машин! Чтобы постирать белье, мастере приходится снова и снова переключать скорость вращения. Но спринтеры на фабриках-прачечных не работают. Тогда вступает несложная арифметика «совмещения операций». Вместо звукового способа (домашние хозяйки ведь тоже стирают белье в двух водах) применяется однократный, а вместо пяти полосканий — два или три. Что же касается щелочи, то двойная ее порция загружается в барабан сразу. Не всякая ткань выдержит такой эликсир!

Конечно, нужна автоматизированная стиральная машина. Такая, чтоб самостоятельно, без участия людей, выполняла все 80 операций.

По этому поводу давным-давно обратились в Академию коммунального хозяйства.

Конструкторы бодро ответили: — Дадим машину! И действительно дали. Через десять лет.

Дологую, конечно, но уж зато машина, вероятно, отличная... Установили ее в механической фабрике-прачечной № 6. Испытали и получили оценку: — Аргат — лохань брат.

Оказывается, автоматика приспособилась все к той же старой стиральной машине.

Но покупка соорудила это чудо техники, на б-й фабрике-прачечной сами взялись разработать новую конструкцию.

Нелегко это было. Схему составили, реал нет. Магнет нет. Терморегуляторы нет. Прост директор прачечной Н. Т. Гуров.

МЕСЯЦ назад закрылась чехословацкая выставка в Москве. Было на ней много отличных сделанных предметов ширпотреба. В том числе и мебель. И решили мы высказать, что позавидовали у своих талантливых чехословацких коллег наши мебельщики.

Выяснили. Оказалось, что работники мебельной промышленности выставки не пренебрегли. Были они так, фотографировали, обмеряли. И все эти материалы передали в конструкторское бюро.

— Зачем? — спросили мы. — Не лучше ли было прямо на фабрике! Чтобы там поскорее стали делать такую же мебель.

— А зачем такую же? — парировали наши собеседники. — Конструкторы посмотрят и соиздадут что-нибудь свое. В том же духе, но побогаче...

Все, что вы здесь прочитали, — плагиат. Или по крайней мере заимствование. Автор надергал цитат из старой статьи. Из статьи, напечатанной в «Литературной газете» пять лет назад, после закрытия чехословацкой выставки 1955 года. Приведенная в ней беседа велась в Глазмельбпроме.

С тех пор произошло многое. Были еще выставки. Одна привлекательная и удобная и еще более простая, чем на первой. В общем мебельщики Чехословаки за это время побогатели.

Наша тоже не гуляла. Они тоже выпускали мебель... Какую? Это получает Мосмбельпром с мебельных фабрик и комбинатов? Увы, все те же громоздкие, сложные, малопривлекательные изделия, которыми сохранял верность блаженной памяти Глазмельбпрому.

— Прачечная в чужих странах, — улыбнулась она. Раньше на стирку белья у Анны уходило три-четыре часа, а теперь она управляет за час-полтора. И это касается двадцати тысяч домашних хозяек.

Правда, при создании домовых прачечных ярославцы сразу же столкнулись с трудностями. Пришлось прибегать к всевозможным уловкам. А для чего, казалось бы, мудрить, если дело такое ясное!

Следует подумать о централизованном снабжении домовых прачечных стиральными оборудованием. Это поможет открыть их в других городах и даже в селах. Сельские прачечные — это тоже задача!

Так как же, проблема — стирка?

Только в этом году в столице должны вступить в строй 16 прачечных. А чем они будут оснащены? Машинками устаревшей конструкции? Это примерно то же самое, как если бы в многоэтажных домах вместо водопровода предусматривались всевозможные цвета рукомойники. Ведь в типовом проекте прачечной значится такие агрегаты, как чаша для замочки вещей, прикротный бочушник, стиральная лохань...

Современная техника, современная химия, сегодняшняя день со всеми его достижениями должны проникнуть в цехи наших прачечных. Это работа большая и необходимая. А пока что сотни тысяч женщин, приходя с работы, вынуждены сгребаться над корытами. И им надо помочь немедленно. Дать они не могут. Она из возможных ностей — организация домовых прачечных. В Ярославле на опыте убедилась, что они — великое подспорье нашим женщинам.

— Не всякая семья еще может приобрести стиральную машинку, — говорит секретарь Ярославского горкома партии М. Е. Бородина. — Да и в лотерею ее выиграть не так просто. А почему бы, задумались мы, не создать общественные прачечные? Открыли в освободившихся подвалах две прачечные. И нас буквально забросали письмами: почему только две? Ну что ж, думаем, братья, так братья. Сейчас у нас в городе их 50, и в каждой не менее пяти стиральных машин.

Михаил Ерилоевич рассказывает с увлечением, — в два стиральных, в пять, он работает с такой же основательностью, как и в заводской жизни. В Ярославле никого не удивляет, что состояние прачечных наравне с другими ответственными вопросами обсуждается на пленуме горкома партии.

В одной из домовых прачечных на улице Некрасова, 49 я разговаривал с крутившейся кордовой фабрикой Аней Корякиной. Белье кишилось в стиральной машине. Анна сидела рядом — читала книгу.

Или взять мягкую мебель. Такая, пружинная технология здесь не имеет соперников. Меж тем мебельщики получают чудесный современный ультрапористый материал — поролон. Пользуясь этим легким и гигиеничным материалом, забойливый и умелый конструктор может создать чудесные образцы мебели, легкой и в производстве, и по цене, более дешевой, чем пружинная. А мебельщики получают им же поролон расходуя... Они заменяют им не пружины, а «настильный материал» — стружку. И такой диван становится еще дороже, чем без поролона...

Итак, недавно в Москве закрылась чехословацкая выставка. Там была представлена отличная мебель. Что же намечается заместовать из опыта друзей наши мебельщики? Неужели опять ничего?

В. ДУНАВСКИЙ

Мне, например, за последний месяц «апостасивилось» проделывать это несколько раз: у сына заболел зуб — я убила утро на запись к врачу; купил шкаф — и присидел целый день дома, ждал, когда его привезут; обнаружил утечку газа — присидел целый день в ожидании мастера; начала протекать крыша — теперь уже побит два дня. И все это — либо за свой счет, либо с последующей отработкой. Вот и получается, что работающий человек, прежде всего имеющий право на обслуживание, не может им пользоваться.

А. КРИВОХАТСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

ТОЛЬКО НА ВИТРИНЕ
Вам приходилось слышать классическую фразу: «Зато только на витрине!» В Сталинграде же можно услышать чуть ли не на каждом шагу. На витрине «гастронома», что на Комсомольской улице, я как-то увидела коробку пастыли в шоколаде. Зашла в магазин и попросила завернуть. Мне ответили: это только на витрине, в продаже нет. В рыбном магазине на той же улице, спросив рыбные консервированные котлеты, услышала ту же фразу: это только на витрине. Захотела купить зеленый шифон в магазине тканей на углу улицы Мира и Комсомольской, но мне снова сказали: шифона в продаже нет, это только на витрине. Зачем же держать напояк товар, который не в продаже? Для красоты? Так не лучше ли торгующим организациям позаботиться о том, чтобы красавицы были не только витрины, но и прилавки магазинов!

А. ДМИТРИЕВА
СТАЛИНГРАД

Мелочи, которые мешают жить

В Пензе любят торговать «с нагруккой». Зимой, например, а булочных продавали дрожжи. Но как! Хотел хозяйка испечь с суботу пироги — изволь, покупай с одной пачкой дрожжей не сколько килограммов муки. И так каждый раз. Легко представить, что после нескольких посещений булочной у каждой хозяйки составилась изрядный запас муки на год вперед. Зато магазин перевернул план товароборота.

А летом! Попробуйте в жаркий летний день выпить в ресторане «Сура» бутылку пива. Не тут-то было. Вы должны к пиву заказать побольше закусок с ресторанной кухни. Хотите вы есть или не хотите, вам придется пообедать, иначе пива не подадут.

Вам не нравится наш «пензенский сервис»? Нам тоже.

К. МИРОНОВ

...И ВСЕ УСЛУГИ — В РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ
МОЖЕТ ли работающий человек воспользоваться услугами тех, кто занимается его бытовым обслуживанием? Судите сами: отказал в вашей квартире водопровод или канализация — слесарь ходит с 10 до 16 часов; испортилась газовая колонка или плита — вам говорят: ждите в течение четырех дней (!) с 9 до 17; захотите поехать к врачу — запишите начнется с 8,30, когда вам нужно спать на работу. А ведь у большинства городских жителей рабочий день начинается в 8—9 и кончается в 5—6 часов. Вот и приходится каждый раз отращиваться с работы.

А. ДМИТРИЕВА
СТАЛИНГРАД

НО ПОБОГАЧЕ...

Рисунки Е. ГУРОВА

из них целиком состояла из образцов мебели. По выставкам ходили комсы и с. и. Смострели, выбирали, оценивали. Заседали и выносили решения. Решали наладить выпуск того и другого. Глазмельбпрому не налаживал. Он не хотел «чужого» опыта.

Он конструировал «свое», но побогаче. Потом не стало Глазмельбпрому. Но дух его жив.

Весной этого года открылись и закрылись еще одна чехословацкая выставка. На ней тоже была мебель. Еще более привлекательная и удобная и еще более простая, чем на первой. В общем мебельщики Чехословаки за это время побогатели.

Наша тоже не гуляла. Они тоже выпускали мебель... Какую? Это получает Мосмбельпром с мебельных фабрик и комбинатов? Увы, все те же громоздкие, сложные, малопривлекательные изделия, которыми сохранял верность блаженной памяти Глазмельбпрому.

Из тысяч образцов мебели, представленной на выставках, наши мебельщики не заимствовали ничего. Ничего, несмотря на то, что покупатели франшизы чешская мебель, франскую и немецкую разбирают, а свою, «абогаую», наблюдают в магазинах равнодушно. И если берут, то лишь по необходимости.

Где же, однако, та мебель, которую наши конструкторы собирались создать «с духе чехословацкой»?

Создали. Есть она. Два новых гарнитура выпускают мебельные фабрики Москвы. Один из них был даже применен. Это гарнитур — артикул К-58-116. Он, конечно, проще, технологичней, чем, скажем, пресловутый «шкаф славян

материал позволяет имитировать любую породу дерева или создавать новые, бывающие расцветки. С его помощью можно получить покрытие и матовое, и зеркальное, притом гораздо более стойкое и гигиеничное. И труднее это требует неизмеримо меньше. Охтенский завод уже много лет приобразцы более современные!

Да, дух Глазмельбпрома не выветрился из мебельных фабрик. Они продолжают выпускать свои, такие, как надгробия, диваны-кровати, которые некресны, как диваны, и неудобны, как кровати. Они до сих пор не создали удовлетворительного образца стула, а это домашнее четвероногое куда как необходимо в быту. Они доселе не отказались от тяжелого и сложного труда фанерования и полировки...

Фанерование, иначе говоря, облицовка строганной фанерой, — главный непреходящий этап отделки мебели. Трудоемкая и дорогая работа. К тому же наши мебельщики пренебрегают дешевой, скажем, безрешотчатой фанерой. Им подается красное дерево, чинару, орех. Ну а затем следует полировка. Все это в общей сложности составляет не меньше 60 процентов стоимости мебели. А когда такое изделие появляется в магазине, покупатель шаркает: цена на него выражается четырьмя, а то и пятизначным числом.

А ведь можно обойтись без всего этого. И такая мебель будет не хуже, а во всех отношениях лучше полированной. Можно, к примеру, заменить фанерование и полировку слоистым пластиком. Этот синтетический

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЬ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛДУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.